

DOI 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-43-54

УДК 94(47).083+325.3

Мазаев Никита Андреевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0615-8987

E-mail: mazaev-nikita14@yandex.ru

Иностранцы при дворе бухарского эмира: прием европейских путешественников в конце XIX — начале XX в.

АННОТАЦИЯ. Свобода действий бухарского эмира после завоевания Туркестана русскими войсками была ограничена. Если во внутренней политике он был практически независим, то во внешней политике его действия были подконтрольны Российской империи. Статус протектората, однако, не воспрещал эмиру встречаться с иностранными гостями. И если встречи с русскими подданными часто были насущной необходимостью и имели свой церемониал в каждом случае, то практика приема европейских гостей демонстрирует определенные отличия и специфику. Обращение к трудам иностранных путешественников поможет понять то, как они формировали образ бухарского эмира, подконтрольных ему территорий и взаимоотношений с Россией для читающей европейской публики. Помимо этого, задокументированные ими впечатления от особенностей двора бухарского эмира позволят представить, какой образ общего присутствия и власти Российской империи в Туркестане создавался для европейской аудитории. Вместе с тем представленное ими отношение эмира к иностранным гостям, благорасположение и знаки внимания к ним могут продемонстрировать, как сам эмир воспринимал отношения с Российской империей и свое место, роль и значимость в них. Важно обратить внимание и на церемониальную составляющую таких встреч, носивших в том числе дипломатический характер. Выявление общего и особенного в них позволит как отобразить индивидуальное отношение к каждой свите гостей, так и проследить определенные изменения в отношении эмира к их приему.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Центральная Азия, Русский Туркестан, иностранные путешественники, Бухара, церемониал, дипломатия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мазаев Н. А. Иностранцы при дворе бухарского эмира: прием европейских путешественников в конце XIX — начале XX в. *Кunstкамера*. 2023. 3(21): 43–54. doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-43-54

Nikita Mazaev

National Research University Higher School of Economics (HSE)
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0615-8987
E-mail : mazaev-nikita14@yandex.ru

Foreigners at the Court of the Emir of Bukhara: Reception of European Travellers in the Late 19th — early 20th Centuries

ABSTRACT. After the conquest of Turkestan by Russian troops freedom of action of the Emir of Bukhara was limited. He was practically independent in domestic politics, but in foreign politics his actions were controlled by the Russian Empire. The status of the protectorate, however, did not forbid the Emir to meet with foreign guests. The meetings with Russian subjects were often a necessity and had their own ceremony in each case, but the practice of receiving European guests demonstrates certain differences and specifics. Reference to the works of foreign travellers will help to understand how they formed the image of the Emir of Bukhara, the territories controlled by him and relations with Russia for the European public. In addition, their documented impressions of the features of the court of the Emir of Bukhara will allow us to imagine what kind of image of the general presence and power of the Russian Empire in Turkestan was created for European audience. On the other hand, the Emir's attitude towards foreign guests, goodwill and signs of attention to them can demonstrate how the Emir himself perceived relations with the Russian Empire and his place, role and significance in them. It is important to pay attention to the ceremonial component of such meetings, which were also of a diplomatic nature. Identifying the common and special in them will allow us to display both the individual attitude to each suite of guests, and to trace certain changes in the attitude of the Emir to their reception.

KEY WORDS: Central Asia, Russian Turkestan, foreign travelers, Bukhara, ceremony, diplomacy

FOR CITATION: Mazaev N. Foreigners at the Court of the Emir of Bukhara: Reception of European Travellers in the Late 19th — early 20th Centuries. *Kunstkamera*. 2023. 3(21): 43–54. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-43-54

Центральная Азия во второй половине XIX — начале XX столетия часто становилась объектом интереса не только двух ключевых великих держав и их агентов, но и лиц, менее аффилированных с какой-либо из них, часто и вовсе преследовавших личный интерес и удовлетворявших свое любопытство. И если записки и травелоги представителей Российской и Британской империй, действовавших в регионе, разработаны в отечественной историографии достаточно хорошо (Андреев и др. 2011; Зеленина 2014; Почекаев 2019, 2021; Васильев, Мазаев 2021), то, например, Третья французская республика и связанные с ней деятели, совершавшие путешествия и экспедиции в Центральную Азию, реже попадали в сферу внимания отечественных исследователей (Gorshenina, Rapin 1998; Бартенева 2015; Атанова 2022). Безусловно, это крупное государство не было явным участником военных и политических действий на этой территории, тем не менее события, происходившие на ней, прямо влияли на внешнеполитическую деятельность Франции. К тому же важно отметить, что с появлением в регионе железных дорог путешествия стали гораздо быстрее и безопаснее, а в общем и перспективном отношении еще и дешевле. Это, в свою очередь, привлекло большое количество ученых и исследователей, деятелей культуры и искусства и простых авантюристов, под маской которых довольно часто скрывались агенты империй. Поэтому в этом контексте важно понять, как конструировался образ Центральной Азии в глазах и умах французского общества рассматриваемого периода, как освещались происходившие в регионе геополитические события и столкновения, что могло оказывать влияние на внешнеполитические решения деятелей Третьей республики. Также важно отметить, что различались и создаваемые европейскими путешественниками образы территорий, которые непосредственно вошли в состав российского государства, и тех, которые находились в положении протекторатов. С одной стороны, относительная самостоятельность в вопросах внутренней политики последних становилась предметом обсуждения: многие практики и традиции представлялись в типичном ориенталистском ключе как отсталые, а порой даже варварские. Этому, в свою очередь, часто противопоставлялись определенные положительные перемены, произошедшие с приходом в регион Российской империи. Поэтому выделяющееся положение российских протекторатов стало причиной того, что фокус внимания смещен именно в их сторону.

Одним из известных французских путешественников последней четверти XIX в. был Габриэль Бонвало, который при поддержке и покровительстве французского правительства осуществлял начиная с 1880 г. экспедиции в Центральную Азию (Bonvalot 1897: 1). Свои впечатления от одной из них, проведенной с 1880 по 1882 г., он изложил в книге “En Asie Centrale. De Moscou en Bactriane” (Bonvalot 1884), вышедшей в 1884 г., а также в опубликованном в 1885 г. продолжении “En Asie centrale. Du Kohistan à la Caspienne” (Bonvalot 1885). Немаловажным фактом является то, что путешествие по маршруту Бонвало нашло отражение в книге “A travers le Royaume de Tamerlan (Asie Centrale)” (Carpus 1892) его спутника Гийома Капю. Это также помогает понять некоторые подробности пребывания европейцев в регионе до начала активного функционирования железной дороги и обратить внимание на упущенные его коллегой аспекты.

Так, описывая Бухару и ее владения, Бонвало сообщил, что уже при въезде он и его спутники были остановлены местными жителями, которые потребовали небольшую сумму за их пропуск. При этом он добавил, что до прихода русских в регион они бы вряд ли осмелились подойти к вооруженным до зубов путникам, а те бы, в свою очередь, без раздумий ответили бы огнем (Bonvalot 1884: 88). Весьма вероятно, что автор хотел показать этим тезисом произошедшие положительные изменения в области безопасности, а также, умышленно или нет, указал их причину. Первой же остановкой на бухарской земле стал населенный пункт Беклемыш, где их встретил кортеж из чиновников, посланных эмиром и беком Ширакчи. Среди них был эмирский посланник Рахмедулла, который устроил для гостей богатый дастархан, описание которого оставил Капю (Carpus 1892: 93–94).

В Карши Бонвало, находясь в сопровождении русских офицеров, удалось попасть в резиденцию эмира. Проведя в ней некоторое время, он продолжил исследовать город, где «случайность» вывела его к цитадели, у стен которой он обнаружил место для казни и нескольких приговоренных, жалостливое описание которых он оставил в своей книге (Bonvalot 1884: 109–110). Более того, автор попытался выяснить у надзирателей судьбу некоторых заключенных, называя тех «несчастливыми» и сокрушаясь о том, что кроме ответа «разбойник и вор» не мог получить ничего другого, обвиняя, таким образом, стражников в незаинтересованности как в разговоре, так и к судьбе осужденных (Bonvalot 1884: 110). Осматривая тюремные строения и нуждающихся арестантов, Бонвало решил дать милостыню некоторым заключенным, но сопровождавший его стражник запретил ему делать это и, забрав подавание, самостоятельно распределил его между ними. Как подчеркнул спутник Бонвало Гийом Капю, с явным намерением нажиться самому после ухода путешественников (Carus 1892: 102). В конце концов Бонвало покинул тюрьму опечаленным и безмолвным (Bonvalot 1884: 111–112). По его словам, эмир не только не заботился о кормлении заключенных, но и устраивал показательные казни. Он отправлял указания беку Карши, после которых одного из заключенных выводили на базар, где собиралось большое количество самой разной публики. Там заключенного ставили на колени и перерезали сонную артерию. Положение этого человека француз сравнивал с положением баранов на скотобойне. После этого мертвого заключенного привязывали к перекладине, где труп находился несколько дней на всеобщем обозрении. Бонвало подчеркивал важность того, что никто не игнорировал такие экзекуции и на преступников они наводили ужас (Bonvalot 1884: 112).

Таким образом, автором создана и описана картина, прошедшая сквозь призму его сознания, возвращенного на европейской традиции и ее ценностях. Невооруженным глазом заметно его сочувственное отношение к заключенным и желание помочь им с одновременным неприятием и разочарованием в местных обычаях и повседневных практиках, что, в свою очередь, было типичным для подавляющего большинства европейцев, посещавших регион. При этом образ бухарского эмира, созданный пером Бонвало, явно носил жестокие деспотические черты.

Интересны впечатления от встречи с сыном шерабадского бека, которые передали Бонвало и Капю. Так, второй заметил, что в день их прибытия в Шерабад оттуда по направлению к Мазари-Шарифу отправились пять шпионов, переодетых в дервишей. А последовавшее затем прибытие русских во владения бека наделало много шума. Вероятно, Капю пытался показать таким образом взаимное недоверие бухарской и русской власти, а также стремление устанавливать негласные и скрытые взаимоотношения с внешнеполитическими соседями. Это подтверждается и тем, что, по словам француза, бухарские джигиты каждый день проделывали путь от Шерабада до Амударьи (граница с Афганистаном) и докладывали беку о русско-афганских взаимоотношениях (Carus 1892: 124).

Важна и причина отсутствия самого бека, которую привел Гийом Капю, отметивший, что тот, по одним данным, уехал к эмиру, а по другим — был заточен в тюрьму за проступки (Carus 1892: 125). Ключевой особенностью сына бека, замеченной обоими спутниками, стало невероятное потребление им табака. Для этой цели при нем даже находился молодой туркмен — носильщик чилима (Bonvalot 1884: 167). Капю же добавлял, что сын бека вместе с этим туркменом приходил к ним в гости и долго засиживался (Carus 1892: 127). Разговор с ним был, по признанию Бонвало, обременительным, поскольку он, не видевший и не общавшийся до этого с французами, спрашивал о том, большая ли у тех страна, сеют ли они пшеницу, много ли у них воды, покрывают ли их женщины лица на улицах и т. д. (Bonvalot 1884: 168). В один из других дней сын бека пригласил их на охоту (Carus 1892: 132). Место для проживания, которое было выделено гостям, также удивило Габриэля Бонвало. Это было земляное строение с минимальным количеством прорезей для окон, пол которого был выстлан соломой. Примечательно, что Гийом Капю обратил внимание не на скромное жилище, а на иные факты — выделение места для их постоя напротив крепости

бека, чрезмерно частые визиты его сына, постоянный надзор и охрану (Carus 1892: 127). Все эти факторы расценивались им как проявления не гостеприимства, а недоверия к иностранцам, которые, вероятно, могли восприниматься как шпионы.

Однако важно заметить, что постоянное внимание со стороны уже каршинского бека (он отправлял своих приближенных для того, чтобы поинтересоваться, как чувствуют себя гости, присылал бачей, почтительный визит им нанес почетный старейшина и т. д.), во владениях которого Капю вновь оказался после Шерабада, уже расценивалось им как благосклонное и направленное на сглаживание неприятных впечатлений, оставленных от действий сына шерабадского бека (Carus 1892: 213).

Другой довольно вызывающий фрагмент описывает ситуацию разговора Бонвало с шерабадским курбаши (начальником полиции). Так, последний пришел попросить немного лечебного порошка, который помог бы справиться с простудой жене бека. При этом Бонвало заметил, что гостю очень не нравилось выступать просителем для женщины и, более того, он являлся ярким женоненавистником. А далее автор обратился к читателям со следующим обращением: «Читатель догадается о природе симпатий курбаши, когда я скажу ему о том, что тот живет примерно в семидесяти километрах от руин, которые некоторые местные жители называют остатками Содома и Гоморры» (Bonvalot 1884: 171). Оставляя в стороне рассуждения по поводу достоверности представленной оценки действий курбаши, стоит обратить внимание на симптоматичность сюжетов, выбранных автором для представления социальных отношений местного общества. Но вновь важно и то, что оставил в своем описании о курбаши Гийом Капю. По его словам, этот чиновник был приставлен к ним для того, чтобы не только помогать и служить им, но и следить, шпионить за ними.

В самой Бухаре, более подробное описание которой оставил Капю, путешественникам удалось пробыть восемь дней. И если с эмиром им встретиться не удалось, то за день до своего отъезда они были приняты у куш-беги в цитадели города Арке (Carus 1892: 317). Куш-беги спрашивал их о европейских делах, об их путешествии и после практически часовой беседы выразил надежду встретиться с ними вновь. Кроме того, куш-беги сделал им подарки: двух лошадей и халаты. После этого его сын сопроводил путешественников до выхода из Арка, где уже собралась толпа, ожидавшая двух иностранцев (Carus 1892: 318).

Таким образом, описание одного и того же путешествия Бонвало и Капю по владениям Бухары приводит к нескольким выводам. С одной стороны, нельзя сказать об особом, совершенно ином отношении к французам, нежели к русским или другим представителям Запада, со стороны местного населения. Значительная часть их пути была пройдена вместе с русскими офицерами, что могло наделять их несколько большими возможностями, чем самостоятельных путешественников. С другой же стороны, они без труда встречались с различными чиновниками, включая высокопоставленных, в разных регионах Бухары и, хотя и не встретились лично с эмиром, но все же составили собственное восприятие его образа. Как иностранцы и гости, они, безусловно, представляли интерес и являлись объектом повышенного внимания местных жителей, что также повышало спектр их возможностей и создавало особое положение. Видно и различие в восприятии двумя путешественниками одних и тех же событий. Хотя этот факт вполне может объясняться и разницей между временем публикации их трудов.

Другим важным источником является работа Армана де Шоле “Excursion en Turkestan et sur la frontière russo-afghane” (Cholet 1889), представившая описание его путешествия по Русскому Туркестану. Будучи офицером, Шоле смог получить разрешение на посещение столицы бухарского эмирата, однако серьезная болезнь эмира исключила запрашиваемую французом аудиенцию (Cholet 1889: 251–253). По собственному признанию, Шоле оказался расстроен тем, что ему не удастся познакомиться с главой эмирата и получить от него подарки (Cholet 1889: 251). Тем не менее это не сократило его возможности для контактов с высокопоставленными бухарскими чиновниками.

Так, состоялась его встреча с чарджуйским беком, которого Шоле посетил не без помощи сопровождавших француза русских офицеров. В самом городе с ними был бухарский военный (Cholet 1889: 238). Приближаясь к крепости, служившей и дворцом бека, француз, как и его предшественник Бонвало в ином случае, обратил внимание на находившуюся в том месте тюрьму и ее узников. При этом, так же как и его предшественники, обращая внимание на содержание заключенных, он добавлял, что ежедневно практиковавшаяся казнь двух-трех воров или убийц была лучше для них, нежели долгое нахождение в невыносимых условиях тюрьмы (Cholet 1889: 240).

Проходя по узким улицам и коридорам крепости, Шоле смог посетить небольшой двор, где находилась одна из артиллерийских батарей. Описывая ее состояние, он иронизировал, сравнивая бухарские пушки с английскими, которые те использовали против французов в битве при Креси (1346), и отмечал их низкую эффективность в современную ему эпоху (Cholet 1889: 241). Солдаты же, несшие службу у орудий, с гордостью демонстрировали их иностранцу и сопровождали его до входа в резиденцию бека. Там их встретил одетый в разноцветный халат церемониймейстер, который и представил их главе города. Тот, по его словам, был внуком куш-беги (к должности которого он приводил понятную европейскому читателю аналогию — премьер-министр) и сыном диван-беги, должность которого он должен был унаследовать.

Описывая бека, Шоле не скупился на комплиментарные выражения по поводу его внешности и пестрого декорированного одеяния. Саму церемонию приема он охарактеризовал как самую любезную и благосклонную, которая могла быть в гостиной со старыми плетеными стульями, но с великолепными коврами и занавесами (Cholet 1889: 242). После приветствия, как отмечал Шоле, был накрыт стол, на который нескончаемым потоком несли блюда с бараниной, пловом и даже сладостями, которые, к его сожалению, ужасно пропахли мясом. Далее, представляя себя читателю знатоком восточной вежливости, он говорил о том, что гостю было необходимо попробовать каждое блюдо, даже несмотря на то что он уже был сыт, а сами блюда вызывали у него чувство глубокого отвращения. Тем не менее следовало наполнить свою тарелку разными яствами, к которым Шоле, по собственному признанию, едва прикоснулся. Для того чтобы немного сгладить ситуацию, француз поспешил завязать разговор с беком. Это оказалось задачей не из легких, поскольку необходимо было провести серию операций — с французского на русский переводил спутник Шоле князь Гагарин, а русскую речь беку переводил уже его собственный переводчик. Все эти трудности вынудили гостей вскоре покинуть резиденцию бека (Cholet 1889: 242–243).

Сравнив описания трех путешественников, отметим, что в них присутствуют общие черты. Так, по ним можно проследить места, доступные для посещения иностранцами, определить чиновников, открытых и готовых к взаимодействию с гостями, а также увидеть стремление практически всех европейцев, посещавших Бухару в тот период, получить аудиенцию у эмира, даже несмотря на собственную негативную оценку этого правителя как жестокого и порой несправедливого.

Следующим источником, интересным для нас, является труд Наполеона Нея “En Asie Centrale a la vapeur...” (Neu 1888), в котором он также привел впечатления от посещения Русского Туркестана после проведения в этот регион железной дороги. Прибыв в Бухару, Ней отметил, что это грандиозное мероприятие существенно изменило восточный вид города. Отчасти это повлияло и на отношение к иностранным туристам. Так, Ней отмечал, что еще до недавнего времени европейским путешественникам требовалось личное разрешение эмира на въезд, а теперь же он въехал в Бухару самостоятельно (Neu 1888: 426–427). Учитывая тот факт, что за день до приезда состоялся прием туркестанского генерал-губернатора Н. О. Розенбаха эмиром Сеид Абдул-Ахад-Ханом, французский путешественник поспешил сообщить читателю, что он не был принят правителем эмирата ввиду его отсутствия (Neu 1888: 427).

Вместе с тем он отметил, что о его приезде были извещены представители Российского императорского политического агентства в Бухаре, а потому ему был оказан почтительный прием

(Neu 1888: 427). Вероятно, стремясь сгладить невозможность встречи с эмиром и подчеркнуть собственный статус, путешественник отметил, что за ним были отправлены несколько экипажей, среди которых два принадлежали эмиру. Довольно краткосрочное пребывание Нея в городе и относительно скудные впечатления от него компенсировались подробным описанием встречи Н. О. Розенбаха и бухарского эмира. При этом, характеризуя последнего, Наполеон Ней отметил, что тот был человеком открытым и придерживался современного мышления и идей (Neu 1888: 421). По его мнению, на это серьезно повлияло его путешествие в Россию еще в качестве наследника престола и участие в коронационных торжествах Александра III. Само же описание создавало впечатление взаимной удовлетворенности бухарцев и русских существовавшим положением, а также благотворного влияния русского присутствия.

Похожую ситуацию можно обнаружить в более позднем труде Фернана Анжиньора “En Asie Centrale: Turkestan, Thibet, Cachemir” (Angineur 1904). Путешественник также оставил довольно краткое описание Бухары, в котором попытался сделать обобщения и описать в сжатом формате многие стороны жизни. Очевидно, что в его маршруте этот город был лишь одной из остановок, где к тому же он не задержался надолго. Не имея ни возможности, ни, вероятно, стремления осуществить встречу с кем-либо из чиновников или даже самим эмиром, Анжиньор тем не менее осмелился дать характеристику главе эмирата. По его словам, тот был наделен лишь той властью, которую ему оставил русский царь, а местные жители были вполне дружелюбны и миролюбивы, несмотря на попытки эмира перестроить свою армию по русскому образцу. По мнению путешественника, это было практически бесполезно, поскольку их темперамент не располагал к использованию оружия (Angineur 1904: 5–6).

Таким образом, книги Нея и Анжиньора в контексте приема иностранных путешественников в Бухаре можно воспринимать двойственно. С одной стороны, краткосрочность их пребывания и небольшой объем информации предоставляют исследователю минимум их личного опыта и восприятия путешествия. С другой же стороны, нежелание получить аудиенцию с эмиром или другим высокопоставленным чиновником и последующее отображение в их трудах не собственных впечатлений, а общей информации, основанной на самых разнообразных источниках, ценно само по себе. Важность этого заключается в возможности избежать исследовательских обобщений, поскольку их работы показывают, что все же не все иностранные путешественники, будучи в Бухаре, стремились нанести визит эмиру. А неудача в получении аудиенции, наоборот, может служить подтверждением общих тенденций.

Примечателен и более содержателен труд Жана де Понтеве де Сабрана “Notes de voyage d’un hussard, un raid en Asie” (Pontevès de Sabran 1890), повествующий о его путешествии, совершенном в 1888 г. По приезде в Бухару он был встречен служащими Российского политического агентства, которые помогли ему с временным жилищем. Едва успев уладить дорожные дела, француз был вынужден встретиться с бухарским куш-беги Астанкулом, который прибыл с визитом к генералу М. Н. Анненкову (Pontevès de Sabran 1890: 335). Именно в этот момент глава политического агентства Н. В. Чарыков в разговоре с представителем эмира выразил надежду на то, что эмир сможет принять иностранных гостей. Тот, в свою очередь, согласился и предварительно указал на утро следующего дня в качестве даты аудиенции (Pontevès de Sabran 1890: 336).

На следующий день от эмира прибыл экипаж и сопровождении семи всадников, которые вместе с казаками доставили гостей ко дворцу Шир-Бадан. Около него французов ждали куш-беги и другие чиновники, а также небольшой военный отряд, представление которого должно было впечатлить гостей. После взаимных приветствий свита проследовала в приемный зал, после чего удалилась, оставив Сабрана и его спутников наедине с ожидавшим эмиром. Представляя величественную особу неосведомленному читателю, автор упомянул, что правитель Бухары принадлежит к древней династии Мангытов. Но для того чтобы европейский любитель литературы осознал грандиозность персоны, он привел сравнение: «...что-то вроде узбекских Бурбонов»

(Pontevès de Sabran 1890: 342). Кроме того, он привел пример собственного обращения к эмиру, в котором благодарил Аллаха за то, что тот сделал возможной встречу с таким великим человеком. Эмир же ответил ему, что стоило быть благодарным Аллаху за то, что он благоприятствовал их путешествию и позволил ему, эмиру, встретить таких благородных людей, как его гости (Pontevès de Sabran 1890: 342). После этого Сабран привел список комплиментов, которые он выказал во время аудиенции: о грандиозном масштабе владений Бухары, о ее исключительном изобилии, могуществе эмирской армии, о мудрости и храбрости самого эмира. В заключении он пожелал, чтобы божье благословение всегда сопровождало эмира и его потомков (Pontevès de Sabran 1890: 343).

Весь этот церемониал, по словам француза, был довольно безобиден. Но он добавил, что получил инструкцию о том, что разговор с эмиром должен был держаться в формальном до банальности русле. После благосклонного ответа эмира аудиенция, продлившаяся около получаса, подошла к концу. Поднявшийся эмир пожал руки гостям и те вернулись в расположение свиты, встречавшей их у дворца (Pontevès de Sabran 1890: 343).

Французский путешественник Жюль Леклерк описал в труде “Du Caucase aux monts Alaï: Transcaspié, Boukharie, Ferganah” (Leclerc 1890) изменения в условиях приема европейского гостя на аудиенции у эмира. Эти изменения особенно заметны в сравнении с опытом Жана Понтеве де Сабрана. Теперь, по его словам, не было необходимости унижаться, склоняясь перед правителем, и воздавать хвалу Аллаху. Обыденная церемония отныне представляла собой нечто полуазиатское и полувосточное: въезжать во дворец эмира нужно было верхом, необходимо было надеть предложенное одеяние или заранее одеться в черное. После аудиенции эмир устраивал дастархан и награждал гостя подарками в зависимости от его статуса: обычно это были лошади и халаты (Leclerc 1890: 96). Леклерк признался, что хотел встретиться с эмиром, однако отъезд последнего спутал все его планы (Leclerc 1890: 97). И хотя их встреча не состоялась, француз представил читателю довольно подробное описание основных достопримечательностей Бухары, включая дворец эмира, а также охарактеризовал ключевых государственных деятелей.

Примечательно то, что труды Леклерка и Сабрана были опубликованы в один год, а сами путешествия совершены с короткой разницей во времени, но описание церемониала встречи с бухарским правителем различаются. С одной стороны, это может говорить о том, что не получивший возможность встречи с эмиром Леклерк опирался на недостоверные источники информации. Но, с другой стороны, отсутствие описаний, подобных Сабрану, в других трудах все же позволяет говорить о быстрых и значительных изменениях, происходивших во взаимном восприятии друг друга бухарским эмиром, бухарскими высокопоставленными чиновниками и иностранными путешественниками.

В труде Эжена Лассалья “L’Opérette française en Asie Centrale...” (Lassalle 1891) описаны путешествия французской группы артистов, дававших в 1889 г. представления в разных городах Русского Туркестана. В том числе одно из выступлений состоялось в Бухаре. Приезд группы и ее деятельность в городе требовали координации действий Российского политического агентства и местной власти. Так, проведение представления предполагалось прежде всего для русских служащих, но эмир также знал о происходящем и, поскольку не мог присутствовать лично ввиду отъезда в летнюю резиденцию, приказал высшим государственным служащим посетить мероприятие (Lassalle 1891: 92). Однако были ли они в действительности там и как отреагировали на представление, осталось вне содержания книги. Будучи в Чарджуе, французские артисты играли на сцене в том числе для местного бека, который посетил мероприятие в составе свиты с переводчиком и даже, по словам автора, благодарил артистов за представление и сожалел, что не смог надеть одеяние по случаю (Lassalle 1891: 44–45). К тому же, как замечал Лассаль, тому не было скучно в обществе артистов, и он ушел около двух часов ночи (Lassalle 1891: 46). А после этого автор со своей женой и русским полковником Булатовым, говорившим и на французском, и на

местном языке, посетил дворец бека. На входе у поста охраны их встретило несколько служащих, сопроводивших их на прием. Бек ожидал их в своем выходном наряде, а при приближении гостей спустился к ним с террасы и подал руки мужчинам, после поклонившись даме. Далее он пригласил их к заранее подготовленному столу. При этом автор замечал, что сладости, вероятно, были приготовлены в бараньем жиру, поскольку имели его отчетливый запах и есть их было очень сложно. При этом бек вежливо интересовался, нравится ли им угощение. Гости же из вежливости нахваливали блюдо, а внимательные слуги, к тайному неудовольствию гостей, тут же вновь подкладывали в тарелки эти сладости (Lassalle 1891: 48–49). После продолжительного ужина чарджуйский бек пригласил гостей ознакомиться с его резиденцией, которая, по признанию автора, понравилась ему больше, чем предшествовавший ужин. Вместе с тем Лассаль добавил, что вовсе не хотел жаловаться чиновнику на условия приема и находил поведение того очаровательным (Lassalle 1891: 50).

Так, посетив два города, находящихся во владении Бухары, французские артисты получили благосклонный прием, даже несмотря на строгое отношение к их профессиональной деятельности в мусульманской среде. Как сам эмир, так и его служащие стремились сделать пребывание гостей комфортным и оказывали разнообразные знаки внимания. Это, в свою очередь, воспринималось теми довольно позитивно, но неизбежное сравнение с европейскими манерами и ценностями, проходившее через авторские рассуждения, несколько затушевывало старания принимающей стороны.

В труде французского путешественника Феликса де Рокка “De l’Alaï à l’Amou-Daria...” (Росса 1896), принимавшего участие в русской экспедиции в Бухару в 1893 г., также присутствуют фрагменты описания приема иностранного гостя как самим эмиром, так и другими высокопоставленными чиновниками. Находясь в главном городе эмирата, француз не застал самого эмира, поскольку тот находился в резиденции в Кермине. Поэтому на следующий день после своего приезда он был принят у куш-беги Мулла-Джан-Мирзы (Росса 1896: 374). Утром за ним прибыл экипаж, который привез его во дворец в сопровождении нескольких всадников. Пройдя по узкой улице, охраняемой стражниками, гость наткнулся на группу чиновников, среди которых были церемониймейстер, а несколько далее диван-беги, которому он пожал руку. После этого он вошел в небольшой двор, где его ожидал куш-беги (Росса 1896: 375). Тот радушно встретил гостя и пригласил к накрытому столу, за которым начался разговор. По словам Рокка, куш-беги был рад его визиту и с помощью переводчика выражал множество комплиментов и одарял его искренней улыбкой. В ходе беседы бухарский чиновник интересовался здоровьем русских офицеров, а также ходом миссии, в составе которой находился француз. После этого формального разговора и обеда куш-беги пожелал здоровья и процветания своему гостю и его семье, а сама встреча подошла к завершению. Как сообщил Рокка, с тем же церемониалом, как и во время своего приезда, он покинул дворец и возвратился обратно (Росса 1896: 376).

Однако в следующем же абзаце француз написал о том, что гостеприимство эмира к своим гостям осуществляется за счет «низших классов, деревенских жителей, находящихся на пути маршрута, и в то же время являющихся источником дохода для чиновников и служащих принимающей стороны» (Росса 1896: 376). Вероятно, этим пассажем автор хотел продемонстрировать другую, несправедливую для европейца сторону бухарского гостеприимства, где простой крестьянин не только тратил часть произведенного собственным трудом на гостя, но еще и обирался представителями местной власти. Это подтверждается и следующей мыслью Рокка, в которой он говорит о том, что иностранные путешественники совсем недавно узнали об этих реалиях и пытались помочь, по их мнению, угнетенным людям, давая подаяния (Росса 1896: 377).

Для встречи с самим эмиром Рокка отправился в Кермин, где на вокзале его встретил экипаж, посланный правителем Бухары. Он отвез гостя в специальный дом, построенный для тех, кому

выпала честь ожидать аудиенции. Француз описал его как типичный азиатский дом без окон и сравнил его с тюрьмой, в которой приходилось коротать время до момента встречи с эмиром (Росса 1896: 394). Резиденция эмира не впечатлила путешественника, и он находил ее мало отличимой от тех зданий, в которых жили бухарские беки. Во внутреннем дворе его встретил церемониймейстер и переводчик, которые спустя непродолжительное время пали ниц перед эмиром. Заметив его и поняв причину их поведения, Рокка пожал протянутую ему руку и после разрешения, данного эмиром, занял место на стуле напротив него (Росса 1896: 394). Давая характеристику поведения эмира, путешественник не преминул заметить, что в жестах, манере держать себя и говорить чувствовалось влияние европейской цивилизации. По его словам, эмир отнюдь не был стеснен, давая аудиенции иностранцам, и без труда находил темы для разговора. Он интересовался результатами проведенной в его владениях экспедиции, а в процессе ожидания перевода француз пришла мысль о том, что, судя по умному взгляду эмира, он мог прекрасно понимать русскую речь. Кроме того, француз отвечал на вопросы о делах отдельных русских чиновников, с которыми эмир был лично знаком. После непродолжительной беседы Рокка выразил благодарность за оказанный прием и содействие в проведении экспедиции и по завершении аудиенции с тем же церемониалом отбыл обратно (Росса 1896: 395).

Работы Лассалья и Рокка показывают и закрепляют в сознании читателя церемониал встречи с высокопоставленным бухарским чиновником и бухарским эмиром. Особенности по ощущениям, но типичные по своей форме аудиенции становились характерными и угадываемыми для читающей публики. Тем не менее они ярко демонстрируют произошедшие изменения в дипломатическом этикете и церемониале после интенсификации движения иностранных путешественников в Центральной Азии.

Таким образом, проведенный анализ травелогов французских путешественников привел к следующим выводам. Во-первых, строительство железной дороги через владения Бухары позволило увеличить количество европейских гостей в эмирате и, как следствие, изменило восприятие иностранцев местными жителями. Во многом западный гость перестал быть удивительным и подозрительным. Тем не менее нельзя однозначно утверждать, что подозрительность пропадает вовсе. Во-вторых, можно заметить, что образ эмира, формируемый путешественниками для европейского читателя, не был однозначным. Воспитанный на западных ценностях человек обращал внимание на те вещи, которые в его привычной среде казались совершенно другими, порой несправедливыми или даже неприемлемыми. Это выражалось и в формировании образа эмира как жестокого и самолюбивого правителя. Даже комплиментарно отзываясь о нем, путешественники рассуждали в привычных им категориях прогресса и цивилизации. Помимо этого, разнообразный социальный и профессиональный статус иностранных гостей влиял на то, какой образ Бухары и ее взаимоотношений с Россией они формировали. Несмотря на разные аспекты, на которые обращали внимание европейцы, общим выводом для них было подчеркнута позитивное отношение к действиям Российской империи и акцент на том, как изменилась и была готова меняться Бухара под ее воздействием. Тем не менее в некоторых работах, например Гийома Капю, все же обращалось внимание на то, что стороны вели скрытую друг от друга деятельность, а это делает менее идиллической картину взаимоотношений, созданных большинством путешественников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А. И., Гнатюк Т. Ю., Кожеевникова М. Н. Этнографические исследования и коллекции русских путешественников по Центральной Азии (1870–1920-е гг.) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. М.: Янус-К, 2011. С. 580–583.

Атанова С. А. «Прикладной ориентализм» франкоязычных травелогов о Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 124–141. doi: 10.31857/S0869541522030071.

Бартенева И. Ю. Изучение Кыргызстана и кыргызов французскими учеными в XIX — начале XX в. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15, № 10. С. 19–23.

Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Путешествие в русский Самарканд: традиция и модернизация в мемуарах К. К. Палена // Империи в мировой истории: актуальные проблемы современных исследований: сборник науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак: Башкирский госуниверситет, 2021. С. 77–79.

Зеленина Л. В. Центральная Азия глазами англичанина. Путешествие Стивена Грэма в 1914 году // Восточный архив. 2014. № 2 (30). С. 31–36.

Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в. М.: изд. Дом «Высшая школа экономики», 2019.

Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников. Монголия XVII — начала XX в. М.: изд. Дом «Высшая школа экономики», 2021.

Angineur F. En Asie centrale: Turkestan, Thibet, Cachemir (1903). Paris: Nest Leroux, 1904.

Bonvalot G. En Asie centrale. De Moscou en Bactriane. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1884.

Bonvalot G. En Asie centrale. Du Kohistan à la Caspienne. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1885.

Bonvalot G. Le toit du monde / Précédé d'une notice par Charles Simond. Paris: E. Plon. 1897.

Capus G. A travers le Royaume de Tamerlan (Asie centrale). Voyage dans la Sibérie occidentale, le Turkestan, la Boukharie, aux bords de l'Amou-Daria, à Khiva, et dans l'Oust-Ourt. Paris: A. Hennuyer, 1892.

Cholet A. P. Excursion en Turkestan et sur la frontière russo-afghane. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1889.

Gorshenina S., Rapin C. Voyageurs Francophones En Asie Centrale de 1860 à 1932 // Cahiers Du Monde Russe. Vol. 39, no. 3. 1998. P. 361–373.

Lassalle E. L'Opérette française en Asie centrale, récit du voyage de la première troupe française dans la Transcaspienne et le Turkestan. Tiflis: Imprimerie Martirosiantz, 1891.

Leclerc J. Du Caucase aux monts Alaï: Transcaspie, Boukharie, Ferganah. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1890.

Ney N. En Asie centrale à la vapeur. La mer Noire, la Crimée, le Caucase, la mer Caspienne, les chemins de fer sibériens et asiatiques, inauguration du chemin de fer transcaspien, l'Asie centrale, Merv, Bokhara, Samarkand / Préface de Pierre Véron. Paris: Garnier frères, 1888.

Pontevès de Sabran J. Notes de voyage d'un hussard, un raid en Asie / Avec une lettre de Frédéric Mistral. Paris: C. Lévy, 1890.

Rocca F. De l'Alaï à l'Amou-Daria. Voyage à travers la Transcaucasie, la Transcaspienne, la Boukharie, le Ferghanah et les régions préamiriennes de l'Alaï, du Caratéhine et du Darvaz. Paris, 1896.

REFERENCES

Andreev A. I., Gnatiuk T. Yu., Kozhevnikova M. N. Etnograficheskie issledovaniia i kollektzii russkikh puteshhestvennikov po Tsentralnoi Azii (1870–1920-e gg.) [Ethnographic Studies and Collections of Russian Travellers in Central Asia (1870s–1920s)]. *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia* [Vavilov Institute for the History of Natural History and Technology. Annual Scientific Conference]. Moscow: Ianus-K Publ., 2011, pp. 580–583. (In Russian)

Atanova S. A. «Prikladnoi orientalizm» frankoiazychnykh travelogov o Tsentral'noi Azii [“Applied Orientalism” of French-Written Travelogues About Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 3, pp. 124–141. doi: 10.31857/S0869541522030071. (In Russian)

Barteneva I. Yu. Izuchenie Kirgizstana i kirgizov frantsuzskimi uchenymi v XIX — nachale XX vekov [The Study of Kyrgyzstan and the Kyrgyz by French Scientists in the 19th — Early 20th centuries]. *Vestnik Kirgizsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta*, 2015, vol. 15, no. 10, pp. 19–23. (In Russian)

Gorshenina S., Rapin C. Voyageurs Francophones En Asie Centrale de 1860 à 1932. *Cahiers Du Monde Russe*, 1998, vol. 39, no. 3, pp. 361–373.

Pochekaev R. Yu. *Gosudarstvo i pravo v Tsentralnoi Azii glazami rossiiskikh i zapadnykh puteshhestvennikov XVIII — nachala XX v.* [State and Law in Central Asia Through the Eyes of Russian and Western Travelers of the 18th — Early 20th Centuries]. Moscow: Dom “Vysshiaia shkola ekonomiki”, Publ., 2019. (In Russian)

Pochekaev R. Yu. *Gosudarstvo i pravo v Tsentralnoi Azii glazami rossiiskikh i zapadnykh puteshhestvennikov. Mongoliia XVII — nachala XX veka* [State and Law in Central Asia Through the Eyes of Russian and Western Travellers. Mongolia of the 17th — Early 20th Century]. Moscow: Dom “Vysshiaia shkola ekonomiki”, Publ., 2021. (In Russian)

Vasil'ev D. V., Mazaev N. A. Puteshestvie v russkii Samarkand: traditsiia i modernizatsiia v memuarakh K. K. Palena [A Journey to Russian Samarkand: Tradition and Modernization in the Memoirs of K. K. Palen]. *Imperii v mirovoi istorii: aktual'nye problemy sovremennykh issledovaniï: Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Empires in World History: Actual Problems of Modern Research: Collection of Scientific Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Sterlitamak: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2021, pp. 77–79. (In Russian)

Zelenina L. V. Tsentralnaia Aziia glazami anglichanina. Puteshestvie Stivena Grema v 1914 godu [Central Asia Through the Eyes of an Englishman. Stephen Graham's Journey in 1914]. *Vostochnyi arkhiv*, 2014, no. 2 (30), pp. 31–36. (In Russian)

Submitted: 14.05.2023

Accepted: 11.09.2023

Published: 10.10.2023